

Парижский театр на Тверском бульваре

БЕСЕДА С РУКОВОДИТЕЛЕМ КОЛЛЕКТИВА Ж.- Л. БАРРО

Из широкого окна гостиницы «Россия» Жан-Луи Барро любуется стенами и башнями Кремля, озаренными весенним солнцем, древними, словно игрушечными, церквушками улицы Разина. Москва ему нравится. Он рад вновь посетить ее и очень доволен ходом гастролей.

— Еще в наш первый приезд, в 1962 году, — говорит он, — мы убедились, какой замечательный советский зритель. Чуткий, восприимчивый. Он нас сразу понимает. Не только потому, что у вас многие знают французский. Актеры чувствуют, как аудитория легко и точно реагирует на их игру, улавливает самые тонкие нюансы в развитии действия... Чем это объяснить? — он на секунду задумывается, и на его так хорошо известном французам подвижном лице, лице драматического актера и мима, вновь появляется обаятельная улыбка. — Я думаю, — отвечает он, бросив лукавый взгляд быстрых глаз, — определенным «родством душ». Вам близка наша культура, как и ваша — нам. Потом не забудьте: театральные деятели моего поколения выросли на школе Станиславского. Его книга «Моя жизнь в искусстве» — всегда на моем столе...

«Компани» Мадлен Рено — Жан-Луи Барро, приехавшая в СССР по программе культурного обмена с Францией, занимает особое место среди сорока с лишним драматических трупп

Парижа. По «рангу» — высоте мастерства, известности — она стоит как бы сразу за «Комеди-Франсез». Не случайно оба ее основателя отдали немало лет своей жизни «Дому Мольера». Но хотя в отличие от большинства других трупп у нее постоянный, а не временный состав актеров, «компани» почти никогда не имела своего театра, кочуя из одного помещения в другое. Правда, когда Ж.-Л. Барро был назначен директором «Театр де Франс», она недолго вела оседлый образ жизни в здании бывшего «Олеона». Бурные события весны 1968 года, захват театра левачками элементами лишили «компаньонов» и постоянной сцены и всего имущества. В последний раз в Париже я видел их спектакль «Раблэ» в углубом зале для бокса «Елисей-Монмартр». Вот почему я осведомился, где они выступают теперь.

— Уже два сезона, как мы обосновались в «Театре д'Орсе», — ответил наш собеседник. — Это, собственно, бывший вокзал д'Орсе, уступленный нам за ненадобностью управлением железных дорог. Сначала играли как в цирке, под брезентовым куполом. Затем оборудовали залы на 900 и 160 мест, а также просторное кафе. Мы хотели, чтобы зрители приходили провести с нами вечер, а не просто посмотреть спектакль, могли бы общаться с актерами в антрактах и после представления. Идея пришла по вкусу парижанам. Мы

не можем жаловаться на недостаток публики и рады дружеским, непринужденным контактам со зрителями...

В этом году мы отметили два юбилея, — продолжает Ж.-Л. Барро. — Мадлен Рено и я — сорокалетие нашей совместной жизни и совместного творчества, а «компани» — тридцатилетие своего существования. Наш путь, как вы знаете, не был усыян розами. Порою было трудно, очень трудно. Да и сегодня мы не избавлены от забот о завтрашнем дне. Такова жизнь. Однако мы никогда не теряли бодрости. Главное, иметь желание, волю... Москвичи уже увидели все наши спектакли, видели и «Христофора Колумба». Пьесу Поля Клоделя я поставил двадцать три года тому назад. С тех пор она не сходит с наших афиш. Она мне очень дорога. Это пьеса о любви к жизни, об энтузиазме, о мужестве и упорстве борца за идею. «Колумб» — как бы наше знамя, он вдохновляет нас, учит преодолевать самые сложные препятствия, сохранять молодость души.

— Какие проблемы стоят сегодня перед французским театром?

— Во Франции кризис на хорошие пьесы. Их нет. Я и прежде любил делать инсценировки романов, новелл. Теперь приходится прибегать к ним по необходимости. Последняя наша работа «Заратустра». Также, как и «Раблэ», я написал его, используя произведения и жизнеописание героев...

— В свое время вы возглавляли «Театр Надий». Как он сегодня себя чувствует?

— Я и сейчас являюсь президентом комитета. Мы решили его «выселить» из Парижа. Теперь этот международный театральный фестиваль будет проходить в разных странах. В этом году в Польше, в будущем — в Югославии. Это, нам думается, волеет в него свежую кровь, сблизит с более широкими массами зрителей...

— В заключение еще один вопрос. Мы говорили о юбилеях, о быстротечном времени. Скажите, кого вы считаете своими учениками?

— О, я не претендую на роль «мэтра», — весело восклицает Барро. — Мне радостно, что в составе «компани» великолепные актеры. Некоторые прошли с нами весь путь. Другие, как талантливый артист Лоран Терзиев, приходили, уходили и вновь возвращались. Все мы, сохраняя свои индивидуальности, как бы дети «Комеди Франсез». Несомненно, мы с Мадлен Рено оказали определенное влияние на развитие театра во Франции, но, повторяю, мэтром, учителем я себя не считаю...

У Жан-Луи Барро расписана каждая минута. Он ежедневно занят в спектаклях, затем встречи с советскими коллегами, со студентами. Вот и сейчас его уже ждут в холле гостиницы. Мне остается его поблагодарить от имени читателей «Известий» за интервью.

С. ЗЫКОВ.